

<https://doi.org/10.30853/filnauki.2020.11.3>

Золотухина Анастасия Владимировна

Самоидентификация школьницы в прозе Л. А. Будогоской 1930-1940-х годов

Цель исследования - выявить специфику прозы малоизученной писательницы XX века Л. А. Будогоской. В статье рассматриваются ключевые произведения автора, посвященные "школьной" теме: "Повесть о рыжей девочке", "Познакомились", "Нулевки". Основное внимание уделяется взаимодействию детей разного возраста и социального статуса, степени влияния внешних факторов на изменение мировосприятия подростка, роли педагога в жизни учащегося начальной и средней школы. Научная новизна работы заключается в подходе к изучению произведений прозы Л. А. Будогоской с точки зрения своеобразия проблематики. В результате проанализированы трудности, с которыми сталкивается герой-школьник при интегрировании в общество.

Адрес статьи: www.gramota.net/materials/2/2020/11/3.html

Источник

Филологические науки. Вопросы теории и практики

Тамбов: Грамота, 2020. Том 13. Выпуск 11. С. 13-16. ISSN 1997-2911.

Адрес журнала: www.gramota.net/editions/2.html

Содержание данного номера журнала: www.gramota.net/materials/2/2020/11/

© Издательство "Грамота"

Информация о возможности публикации статей в журнале размещена на Интернет сайте издательства: www.gramota.net
Вопросы, связанные с публикациями научных материалов, редакция просит направлять на адрес: phil@gramota.net

Artistic Originality of the Poetical Cycle “Shakh-mat-ty” (“Chess”) by O. N. Gulyaeva

Vyushkova Irina Gennadievna, PhD

P. P. Ershov Ishim Pedagogical Institute (Branch) of Tyumen State University
wjuschkowa@rambler.ru

The paper aims to reveal artistic originality of the poetical cycle “Shakh-mat-ty” (“Chess”) from the collection “Wings” by the Ishim poet O. N. Gulyaeva. Scientific novelty of the study lies in the fact that the researcher for the first time analyses the “Shakh-mat-ty” poetics, examines specificity of the regional poet’s creative work. The research findings are as follows: O. N. Gulyaeva continues the classical tradition, she appeals to the motive of chess playing because of its rich interpretative potential. This motive acquires symbolic realization and serves to emphasize tragedy of social and personal estrangement, to accentuate the problem of devaluation of humanistic values. Intimate lyrics are in tune with philosophical interpretation of Existence.

Key words and phrases: regional literature; poetical cycle; intimate lyrics; motive of chess playing; O. N. Gulyaeva.

<https://doi.org/10.30853/filnauki.2020.11.3>

Дата поступления рукописи: 15.10.2020

Цель исследования – выявить специфику прозы малоизученной писательницы XX века Л. А. Будогоской. В статье рассматриваются ключевые произведения автора, посвященные «школьной» теме: «Повесть о рыжей девочке», «Познакомились», «Нулевки». Основное внимание уделяется взаимодействию детей разного возраста и социального статуса, степени влияния внешних факторов на изменение мировосприятия подростка, роли педагога в жизни учащегося начальной и средней школы. **Научная новизна** работы заключается в подходе к изучению произведений прозы Л. А. Будогоской с точки зрения своеобразия проблематики. **В результате** проанализированы трудности, с которыми сталкивается герой-школьник при интеграции в общество.

Ключевые слова и фразы: русская детская литература; Лидия Будогоская; проза; самоидентификация школьницы.

Золотухина Анастасия Владимировна, к. филол. н.
Российский университет дружбы народов, г. Москва
romashka9206@mail.ru

Самоидентификация школьницы в прозе Л. А. Будогоской 1930-1940-х годов

Актуальность исследования объясняется непреходящим интересом литературоведов к вопросам истории возникновения и развития детской литературы вообще и образу героя-ребенка в частности. В контексте развития отечественной детской словесности XX столетия проза Л. А. Будогоской занимает особое место и конкретно – недостаточной изученностью произведений некоторых авторов XX века. Характерными особенностями творчества Л. А. Будогоской являются автобиографичность, интерес к психологии героя-девочки, вопросам самоидентификации и факторам, влияющим на мировоззрение ребенка. Разумеется, детская литература – частый предмет исследований теоретиков; но каждый интерпретирует ее явления по-разному, часто не уделяя внимания малоизвестным писателям и особенностям произведений, не получивших широкой известности у публики, но оставивших след в историко-литературном процессе. Поэтому рассмотрение специфики прозы Л. А. Будогоской является весьма нетривиальным и представляет существенный интерес для литературоведов и педагогов.

Для достижения указанной цели исследования необходимо решить следующие **задачи**: во-первых, определить основные темы творчества Л. А. Будогоской; во-вторых, прояснить степень влияния особенностей предыдущих периодов русской детской литературы на характеры героев в произведениях писательницы; в-третьих, выявить традиции и новаторство в творчестве Л. А. Будогоской.

Для осмысления взглядов прозаика и приемов, используемых в раскрытии темы самоидентификации ребенка, в статье применяются следующие **методы исследования**: герменевтический и метод контент-анализа. С помощью системного подхода обеспечивается аналитическое описание идейно-тематического своеобразия прозы Л. А. Будогоской.

Теоретической базой исследования послужили работы отечественных и зарубежных критиков, публицистов, а также ученых, посвященные истории российской литературы для детей и юношества XX века: И. Черноусовой, О. Кошелевой, И. Арзамасцевой, Л. Кона, И. Лупановой, К. Кид (K. Kidd), К. Рейнолдс (K. Reynolds).

Практическая значимость исследования заключается в том, что раскрываемая в статье тема самоидентификации ребенка в творчестве Л. А. Будогоской может быть использована в педагогической деятельности для усовершенствования образовательного процесса. Кроме того, результаты исследования будут иметь практическое значение в ходе дальнейшего научного изучения истории отечественной словесности, в практике школьного и вузовского преподавания литературы, в написании учебников и учебно-методических пособий.

Общеизвестно, что отечественная детская литература прошла определенную эволюцию. С XI по XVII века тема детства в русской литературе занимала относительно немного места. Ребенок воспринимался «как маленький взрослый» [1, с. 69]. Тексты, адресованные детям, выступали своего рода учебниками жизни. Собственно детская литература начала развиваться в России лишь в конце XVII века, но большое место в ней занимали переводы и переложения иностранных текстов. В XVIII веке под влиянием европейской просветительской мысли в литературно-писательской среде возникает интерес к миру ребенка, на страницах книг впервые появляется герой-подросток. Однако роль его чисто вспомогательная, он помогает автору описывать, высмеивать, исправлять пороки общества.

На особую роль детской литературы, героя-подростка указал В. Г. Белинский. Он первым отметил важность и нужность не сказочной, а реалистической словесности для детей, без «искажения действительности ни клеветами на нее, ни украшениями от себя» [2], способствовал окончательному утверждению особой, детской литературы в русской культуре. Воспитанию ребенка отныне уделяется особое внимание, возникает новая педагогическая система. Меняется отношение к герою-подростку. Он наделяется чертами самоценной личности.

Очевидно, что первым русским писателем, обратившимся к детской психологии, стал Ф. М. Достоевский, уделивший большое внимание раскрытию характеров юных героев. Показательно, что именно Ф. М. Достоевский первым поднял проблему, которая будет достаточно актуальна в русской литературе до двадцатых годов XX века и вновь обретет актуальность в шестидесятые годы, – проблему взаимоотношений ребенка и родителей. Разумеется, писатели рассматривают эту проблему с различных позиций и, соответственно, делают разные выводы о взаимоотношениях взрослых и детей. Герой-ребенок предстает у Ф. Достоевского относительно независимой, положительной личностью.

Примечательно, что в том же русле развивается и западная детская литература. Сказочная традиция (Ш. Перро, Г.-Х. Андерсен, Д. Барри, В. Гауф) отражает растущее внимание писателей к психологии ребенка, затем вытесняется тенденцией выдвигания в центр повествования героя-подростка. Первым здесь должен быть назван Чарльз Диккенс. Западная и русская традиции, взаимодействуя друг с другом, почти одновременно выделяют детство в особый этап становления личности, который не только не является частью взрослого мира, но выступает его положительной оппозицией. Повышенное внимание отныне уделяется внутреннему миру ребенка, его переживаниям, воспоминаниям. Интересно, что при этом отражаются социальные проблемы, демонстрируется их влияние на формирование личности. В этом контексте весьма показательна проза Д. Григоровича, В. Короленко, Н. Гарина и др.

Однако по-настоящему важное место в русской литературе образ героя-ребенка занимает лишь в XX столетии. Особый интерес к личности подростка появляется здесь в связи с изменениями социокультурной ситуации в стране. Этот интерес обостряется в годы потрясений, в 1905-1907, 1917 и последующих годах. Интересные примеры того, как кардинально меняются эстетическая и этическая оценки образности прошлого, приводятся в статье В. А. Мескина и В. В. Ратниковой [8]. На рубеже веков актуализируются тема свободы личности и значение ее индивидуальных начал в социально-философских, культурологических работах, например в трудах Л. И. Шестова, Н. А. Бердяева, С. Л. Франка. Резонанс работ этой проблематики очевиден во всех сферах науки и культуры, в том числе литературе, пространство которой заполнило множество ярких детских характеров.

Л. А. Будогоская – писательница XX века, и тематика её творчества неразрывно связана с историческими событиями этого периода. «Биографичность» ее прозы отмечали и читатели, и критики: «...она не любит придумывать, сочинять, предпочитая писать правду – прежде всего о себе, о пережитом и испытанном ею» [4, с. 6]. Однако, несмотря на одобрение издателя С. Я. Маршака, автору не удалось снискать широкой известности и славы: «Крестным отцом Лидии Анатольевны Будогоской на литературном поприще стал детский поэт Самуил Яковлевич Маршак» [10]. Думается, это связано и с тем, что писательство не было основным родом ее деятельности, и с тем, что темы, поднятые в ее рассказах и повестях, из-за политических изменений во многом потеряли актуальность: «Детская литература отразила резкие переломы в отечественной истории и культуре. Они сформировали дореволюционное, советское, военное, перестроечное, постмодернистское детство и создали ситуацию, когда родители и дети воспитывались на разных идеалах» [6, с. 228]. Однако несомненным достоинством прозы Л. А. Будогоской остается внимание к психологии подростка, раскрытие его характера во взаимодействиях со взрослыми, сверстниками, представителями противоположного пола. Она следует традиции Ч. Диккенса и Ф. Достоевского, показывая ребенка, который, несмотря на внешние трудности в общении и некоторую неусидчивость в общении со старшими, предстает перед читателями абсолютно положительной личностью.

«Школьная» тема также довольно широко раскрывается в произведениях Л. А. Будогоской. Несмотря на небольшое количество книг, писательница рассматривает и школы разных типов (смешанные, для девочек, кадетские), и особенности образовательной системы в определенные периоды времени, не ограничивая при этом возраст героев. Автора интересуют как дети 5-6 лет, так и подростки (11-12 лет). Конечно, внимание к педагогике началось еще со второй половины XIX века, когда детская литература прошла этап окончательного становления сначала в западноевропейской, а затем и в русской литературе и наступил период сближения двух дисциплин. К концу первой трети XX века в России, во многом под влиянием объективных обстоятельств, происходил процесс своеобразного слияния-взаимовлияния литературы и педагогики.

«Повесть о рыжей девочке» (1929), которую смело можно назвать вершиной творчества Л. А. Будогоской, посвящена подростку, ученице 4-го класса, Еве Кюн. Здесь автор отражает многие бытующие в тот период традиции: трудности ребенка в общении с отцом; отсутствие поддержки от матери, которая по таинственным причинам уезжает; внутреннее одиночество.

Отношения подростка с родственниками привлекают внимание писательницы еще и потому, что «труден, невыносим был тот гнет, тот полицейский режим, который установил у себя в доме отец» [4, с. 4] автора. Биографичность внутрисемейных отношений становится едва ли не ведущей особенностью многих авторов этого периода: А. Гайдара, Л. Пантелеева, Л. Жарикова. Подобную ситуацию наблюдаем в доме Кюнов. Отец, охраняющий царский режим и проводящий обыски, – тиран. Дочь боится каждого его движения: «... когда Ева была маленькой, папа побил её нянюку... Папа как даст ей тяжелым кулаком по лицу. Еву затрясло от ужаса. И с тех пор Ева боится папу» [Там же, с. 21]. Тяжелого характера главы семейства не выдержала ни жена («нынче осенью мама вдруг уехала, – должно быть, навсегда» [Там же, с. 20]), ни теща: «Змей проклятый! – зашипела бабушка. – Издеваться над старухой!.. Выжил... Лучше в стужу... замерзну где-нибудь в поле, но не останусь» [Там же]. Отец несправедлив и к Еве, ругает ее даже за внешность: «Ты бесстыжая рыжая уродина...» [Там же, с. 43].

Трудности не заканчиваются за пределами дома. Из-за рыжего цвета волос над ней издеваются и одноклассники, и ребята во дворе: «И никто не любит рыжих... И кидают в Еву снежками... Ева бежит... без оглядки, закрывает лицо руками... В классе Еву тоже дразнят» [Там же, с. 11]. Для передачи речи подростков автор часто прибегает к сниженной и эмоционально-экспрессивной лексике: «Ты что наделала, дура? Из-за тебя я чуть не треснула головой о столб» [Там же, с. 27]. Лидия Будогоская показывает, что жестокость детей определяется неправильным поведением взрослых. Прикрытая добрыми намерениями и назидательной составляющей методика воспитания нарушает все возможные границы и рамки дозволенного: и дома, и в школе утаиваются и вскрываются чужие письма, проводятся обыски, применяются жестокие наказания, нередко угрозы. Нет согласия и между самими учащимися в женской гимназии. Конкурентная среда порождает доносы и врагов. И здесь совершенно права Т. И. Михалева: «Суть конфликта школьной повести, как правило, определяется... отсутствием подлинных контактов между учителями и учениками» [9, с. 85].

Л. А. Будогоской важно показать, что из враждебного настроенного мира есть выход: одинокие подростки, уставшие от гнета взрослых или, наоборот, от чрезмерной самостоятельности, тянутся друг к другу, учатся дружить. Важную роль здесь играют внимательные взрослые, выполняющие функции наставников, которые сумели найти подход к ребенку. Это может быть случайный прохожий, служанка или родственник, который осознает, что подростку необходима помощь, даже если он этого не говорит.

Те же трудности в идентификации ребенка писательница освещает и в рассказе «Нулевки» (1933). Обращаясь к образам детей 6-7 лет, Л. А. Будогоская показывает, что проблемы в общении со сверстниками и старшими начинаются еще в дошкольном возрасте, и в этом смысле прозаик предстает подлинным новатором, ибо ведущие писатели XX века периодом становления личности считали подростковый период, 11-13 лет, и потому ребенку именно этого возраста посвящали страницы своих произведений. Причем в силу времени большего внимания заслуживали герои-мальчики, поскольку именно они играли ведущую роль в «строительстве» нового времени. Таковы повести и рассказы А. Гайдара, А. Макаренко, Л. Пантелеева и других.

В «Нулевках» перед читателями – обычная советская общеобразовательная школа, смешанный класс, описание изобилует реалиями времени: школьникам предстоит оформить уголок Осоавиахима – готовятся к 8 Марта. Это своеобразное испытание выявляет положительные и отрицательные стороны героев, идейно правильные и ошибочные взгляды. Главным действующим лицом снова становится девочка, но, в отличие от Евы, героини «Повести о рыжей девочке», Зоя в духе времени рассуждает и ведет себя по-взрослому: «Никогда не кричит, никогда громко не смеется Зоя. Всегда говорит тихонько. А больше стиснет губы и молчит» [3, с. 10]. Несмотря на кажущуюся нормальную атмосферу в школе, классе, ребенок не может выразить себя, реализовать и занять место в социуме.

Здесь Л. А. Будогоская фактически выступает против идеи, созданной ещё в XIX веке. Речь идет о детских образах романа Ф. М. Достоевского «Братья Карамазовы», в котором показано, что каждый ребенок от природы чист и безгрешен, и только негативное влияние окружающего мира может вызвать в нем отрицательные эмоции, сделав из добродушного и сердечного ангела злого и замкнутого подростка. Автор обращает внимание на жестокость сверстников Зои, объясняя их поведение лаконично-просто, буднично: «У дверей становятся в пары. Зое никак не найти пару. Все толкают Зою. У Зои ноги очень кривые. Колесом выгнулись. Зоя не может быстро ходить. Вот никто и не хочет с Зоей идти в паре» [Там же, с. 6].

Однако стоицизм героини, ее безразличие к собственному недугу и насмешкам сверстников приносят свои плоды. В духе времени именно Зоя выручает всех, предстает перед читателями в образе героя, который спас весь класс – закончил оформление уголка вовремя, к празднику. Её подвиг заставляет одноклассников изменить отношение к ней, забыть о недостатке внешности. Но не только у сверстников героиня не может найти понимания. Подобно Еве, Зоя не может выстроить правильные отношения со школьным наставником. Учительница ругает за каждую провинность, не прощая подопечным ни шалости, ни отсутствия «правильного» мировоззрения, предавая оступившихся общеклассному порицанию и презрению: «Все стараются, чтобы к восьмому марта у нас хороший уголок Осоавиахима был. А Нюра принесла маску и уносит домой. Хороший ли товарищ Нюра? – Пл-о-хой! – закричали ребята» [Там же, с. 19].

«Стилем эпохи» вызвано и невнимание автора к внутрисемейным проблемам. В рассказе нет ни описания родителей, ни рассмотрения домашней обстановки учащихся. Автор обращает внимание лишь на то, как дети гордятся матерями, их успехами в труде. К примеру, мама главной героини, конечно, работница завода, не привыкшая сдаваться, и главное в ее жизни – служение обществу.

В рассказе «Познакомились» (1946) некоторым персонажам-родителям и вовсе некогда заниматься детьми. Взрослым, который приводит героиню повествования, Лиду Богданович, в первый класс, становится дедушка. Он же пытается помочь девочке преодолеть трудности знакомства, стеснение. Автор обращает

внимание на то, насколько отчаянно ребенок 6-7 лет нуждается в поддержке взрослых, будучи не в силах перебороть страхи. Интересно, что здесь, в школе для девочек, герои не стремятся высмеивать друг друга, наоборот, пытаются помочь друг другу в преодолении страха и неумении общаться: «И я сбегала попросить маму, чтобы она проводила Лиду из школы. Лида говорит, что, наверное, бабушка за ней не придет, а ей идти одной страшно» [5]. Показательно, что прозаик не описывает детально взаимодействие сверстников, показывая коммуникации лишь обрывочно, акцентируя внимание на общении детей с взрослыми.

Классный наставник в духе времени никак не способствует появлению уверенности, сближению детей, считая своей основной обязанностью создание строгой дисциплины и регулярное повторение общественно-политических доктрин. Даже в первый день учительница предаст одну из девочек общественному порицанию за опоздание: «Девочки, как поступила Надя Шорина? Так можно? Нет, так заниматься нельзя. И чтобы больше никогда этого не было» [Там же].

Таким образом, мы приходим к следующим **выводам**. «Школьная» проза Л. А. Будогоской отражает особенности времени, но ориентирована на психологию героинь-школьниц. Главными чертами творчества писательницы становятся биографичность и психологизм; прозаик уделяет особое внимание анализу личностных изменений героя, связанных с его взаимоотношениями с семьей, сверстниками, учителями. Л. А. Будогоская следует традициям XIX века в целом и идеям Ф. Достоевского в частности, обращает внимание на открытость ребенка, показывая, как он ищет поддержки и понимания у окружающих, пытается войти в социум, пройти самоидентификацию. И главное в это время – поддержать, не оставить вниманием. Только чуткое отношение взрослых, их стремление понять ребенка приводят к гармоничному развитию личности представителя подрастающего поколения. Именно эти темы становятся центральными в творчестве Л. А. Будогоской.

Можно заключить, что проза писательницы являет собой сентенцию из реалий времени, центральных идей русских и зарубежных авторов XIX века, обращавшихся к герою-ребенку, и новаторских установок, среди которых особенно выделяется прямая параллель между психологией ребенка и социумом, который его окружает, при этом речь идет о взаимном воздействии. Дальнейшее исследование творчества Л. А. Будогоской и других малоизученных детских писателей последних двух столетий поможет уточнить своеобразие тематики, проблематики, поэтики русской литературы для детства и юношества XX века, прежде всего в аспекте эволюции образа героини-школьницы. Изучение этого вопроса может быть использовано в ходе **дальнейшего исследования** истории отечественной словесности, в практике школьного и вузовского преподавания литературы, в написании учебников и учебно-методических пособий.

Список источников

1. Арзамасцева И. Н., Николаева С. А. Детская литература. М.: Академия, 2011. 576 с.
2. Белинский В. Г. О детских книгах [Электронный ресурс]. URL: http://az.lib.ru/b/belinskij_w_g/text_1900.shtml (дата обращения: 10.05.2019).
3. Будогоская Л. А. Нулевки. М.: Молодая гвардия, 1933. 36 с.
4. Будогоская Л. А. Повести / вступ. слово Л. Пантелева. Л.: Детская литература, 1977. 174 с.
5. Будогоская Л. А. Познакомились [Электронный ресурс]. URL: <https://avidreaders.ru/read-book/poznakomilis.html> (дата обращения: 25.10.2020).
6. Кошелева О. Е. Новая книга о детстве. Рецензия на кн.: Конструируя детское: филология, история, антропология. М., 2011 / под ред. М. Р. Базиной, В. Г. Безрогова, С. Г. Маслинского, К. А. Маслинского, М. В. Тендряковой, С. Шеридана. М. – СПб.: Азимут; Нестор-История. 552 с. [Электронный ресурс]. URL: <http://detskie-chtenia.ru/index.php/journal/article/view/37/35> (дата обращения: 13.11.2020).
7. Лупанова И. П. Полвека. Советская детская литература 1917-1967. М.: Детская литература, 1969. 672 с.
8. Мескин В. А., Ратникова В. В. Об интертекстуальности и межкультурных связях в творчестве А. Варламова // Вестник Российского университета дружбы народов. Литературоведение. Журналистика. 2013. № 4. С. 5-15.
9. Михалева Т. И. Современный подросток в современном мире: проблема формирования личности подростка в литературе 1960-х – 2000-х. М.: Русская школьная библиотечная ассоциация, 2007. 234 с.
10. Субботина М. В. Повесть о рыжей девчонке: перо Лидии Будогоской сослужило добрую славу Сарапулу [Электронный ресурс]. URL: http://sarlib.ru/upload/support/electroni_librari_sarapul/history/znamenitie_zemlyki/Budorskay_subbotina.djvu (дата обращения: 25.10.2020).

Schoolgirl's Self-Identification in L. A. Budogskaya's Prose of the 1930-1940s

Zolotukhina Anastasiya Vladimirovna, PhD
The Peoples' Friendship University of Russia, Moscow
romashka9206@mail.ru

The study aims to determine specificity of the prose by the little-studied writer of the XX century L. A. Budogskaya. The article considers the author's key works dedicated to the subject of "school": "The Tale of the Red-Haired Girl", "Getting to Know One Another", "The Pre-schoolers". The primary focus of the research is interaction among children of different ages and social statuses, degree of external factors impact on change in a teenager's worldview, a teacher's role in primary and secondary school students' life. Scientific novelty of the work lies in approaching L. A. Budogskaya's prose writings with regard to the originality of problems. As a result, the challenges faced by a school-going character in the course of integration into society have been analysed.

Key words and phrases: Russian children's literature; Lydia Budogskaya; prose; schoolgirl's self-identification.